

ТРИПТИХ:

О

В

О

Д

Е

СКОРБАЧЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Скорбачевская Триптих: о воде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67656404

SelfPub; 2022

Аннотация

Технологии развиваются, мутанты-лишайники эволюционируют, а человек остается просто человеком. Сохранить семейные отношения в беспокойное постапокалиптическое время, должно быть, непросто. Пару сотен лет назад мужчина бы спился в баре, но теперь он ищет более изощренные методы...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Картина №1	4
Привет с потолка	10
Картина №2	17
Комната Ненависти	21
Картина №3	28
Водка	31
Я и Смерть	37
Суперрезультат	43

Скорбачевская

Триптих: о воде

Картина №1

Лед

В небе творится что-то подозрительное. Сегодня водовороты увеличились, стали еще более сине-зелеными, местами в черных прыщах. Солнце борется с клубами космических облаков, но выходит слабо.

Мужчина задвигает темные шторы и подходит к кровати.

– Влажность повышается, – говорит он раздевающейся жене. – Вечером жди уродов на стенах.

Женщина усмехается, становясь на колени перед мужем.

– Нужно будет докупить огнеметов, – вспоминает та, удалив его по ягодице. – У тебя зарплата скоро, пупс?

Он перебирает в вспотевших руках пульт от телевизора, уменьшая громкость. Жена, все еще стоя на коленях, напевает какую-то мелодию, стягивая с мужа трусы зубами. На фоне старческий механический голос ведет передачу «Узнай врагов – победи их».

– Когда зарплата? А, пупс? – Женщина толкает его на по-

душку, уверенно садясь сверху.

– Э... Полегче, Ир...

А монотонный голос из телевизора бубнит: «Лишайники – это особая группа комплексных организмов, состоящая из гриба и водоросли...»

Она двигается как пантера, охватывая и поглощая все его тело. Мужчине остается только наслаждаться, с кем он связался штампами в паспорте.

«...Долгое время взаимоотношения гриба и водоросли в лишайнике рассматривали как симбиоз – взаимовыгодное сотрудничество. В действительности же отношения оказались гораздо сложнее...»

Женщина запрокидывает голову, терзая мужчину бедрами и приказывая любить ее.

«...Было обнаружено, что гифы гриба образуют специальные выросты – гаустории, которые проникают в клетки водоросли и поглощают необходимые вещества. Гриб попросту отбирает у автотрофного организма органические вещества, которые тот синтезирует. В старых участках лишайника можно наблюдать погибшие клетки водоросли – гриб паразитирует...»

С потолка резко доносится топот ножек, ребенок где-то близко. Ира рычит сильнее, раздирая своего мужчину.

– Сейчас Глеб прибежит, – шепчет муж. – А... О, Господи...

«...Как типичный паразит гриб не заинтересован в гибели...

ли выгодного организма, но и он не так уж свят. Оказывается, водоросль тоже является паразитом, хоть и слабее своего партнера. Дело в том, что из-за гиф гриба она не может поглощать воду и минеральные вещества из окружающей среды. Водоросль вынуждена добывать их из мицелия гриба...»

Женщина жестко отымела мужа и свалилась рядом. Черные волоски уложены на лбу потом, будто паучьи лапки. Он в изнеможении дотягивается до этих лапок и целует, чувствуя солоноватый привкус пота. Перед глазами все крутится воронками, прямо как небо сейчас за окном.

– Я люблю тебя, – говорит мужчина, одурманенный властным и эротическим взглядом жены.

Ира цепляет его губы длинными острыми ногтями и целует, немного прикусывая.

«...Следовательно, взаимоотношения гриба и водоросли представляют собой взаимный паразитизм¹».

Он выключает телевизор и ложится обратно к жене.

– Достали уже триндеть об этих тварях. И так вся планета с ума сошла, – заговаривает он, подложив локоть под голову. – Прикинь, соседка вчера в макаронах нашла одного.

– Чё, прям в макаронах?

– Ага, лежит такой склизко-сухой... дышит. А она его из огнемета – пау! Сдохни!

Они смеются.

¹ «Биология растений, грибов и лишайников. 10-11 классы. Элективные курсы», – И.Б. Агафонова и В.И. Сивоглазов.

– Это все американцы. Сто пудов это они эту заразу специально вывели, чтобы всех себе подчинить.

– Господи... – Ира закатывает глаза. – Малыш, я, конечно, понимаю, ты ярый фанат РЕН ТВ и всемирных заговоров...

– А если все так? – вскакивает он, заглядывая в ее насмешливые глаза. – Как еще объяснить появление этих лишайников? Да весь мир охренел просто! Прикинь, приходишь домой после работы, хочешь помочиться в душе как нормальный человек, а там на кафеле *это*...

Ира постепенно сменяет милость на раздражение, хмуро взъерошивая короткие волосы.

– Он дышал, громко так дышал... И прыгнул мне на член! – Мужчина встает с кровати, подходит к окну, одергивает шторы и взволнованно смотрит на гипнотические волны неба.

Тут его голое тело сзади охватывают цепкие руки, теплый язык гладит трапецию, и зубы слегка кусают спинную мышцу.

– Я помню, как ты тогда завизжал, – шепчет жена на ухо. – Степ, уже полгода прошло, пора привыкнуть.

Он вздыхает, не сводя глаз с волн из сине-зеленых облаков.

– Да не могу, Ир. Как представлю, что звонят из детсада и говорят, мол, вашего сына отравил лишайник. Типичная ситуация для нашей новой современности... Вот только типичное – обычно самое страшное.

Женщина отходит.

– А о Вадиме ты так не беспокоишься. Он тоже еще ребенок.

Муж рывком задергивает плотную штору, и комната снова задыхается в пыли. Он наблюдает за нагим силуэтом жены в легкой запыленной дымке: длинная, с широкими плечами, сильная... Талии нет, но она прекрасна этим. А ходит вперевалочку, улыбается и постоянно щипает его за задницу. Особенно на людях.

– Я люблю тебя, – снова признается мужчина, любуясь пантерой у зеркала.

– Что тебе во мне нравится?

– Хм... – он задумывается. – Нос твой.

– У него же горбинка с Эверест.

– Зато представляю, что женат на восточной террористке, – Он улыбается.

– И тебе это нравится?

– Еще как.

Они молчат, пока Ира полностью не одевается. Докрасив губы яркой красной помадой, она направляется к выходу.

– А ты? – догоняет ее муж, запрыгивая в джинсы. – Что тебе нравится во мне?

– Мне нравилось, когда у тебя был пресс. – Она жестко шлепает его по пивному пузику и, влезая в высочайшие каблуки, бросает:

– Я на работу. Купи в «Пятерочке» огнеметов, пока по

акции. Сосиски и детям мармеладных мишек.

Привет с потолка

Огромный черный пикап едет по трассе, усеянной тварями. Мерзкие паразиты передвигаются медленно, оставляя склизкие дорожки. Сейчас небо суетно перемальвается тошнотворными волнами, которые все чернеют и чернеют с наступлением темноты. Твари набираются сил.

В машине на всю катушку играет пустая клубная музыка. За рулем шумахер, руки в золотых цепочках, на носу солнечные очки. Очки от солнца, которое не показывалось уже полгода...

Он пафосно дергает головой в такт музыке, по-хозяйски разместив локоть на руле. А далматинец-болванчик стоит на передней панели и шатает башкой, подражая хозяину тачки.

Подъезжает к подъезду, глушит мотор, надевает противогаз...

– Ну что? Зажжем?

Степан, выплюнув жвачку в бумажку, берет пакеты с продуктами и быстро бежит до входной двери.

– Э! Придержи-ка! – кричит соседка, маша ему рукой и с трудом перебирая тяжеловесным телом.

– Давайте помогу. – Мужчина благородно берет ее сумки, и они шагают к лифту. – Ха, никто в рожу не впился – день удался!

Женщина игнорирует его, нажимая кнопку. Ехать еще десять этажей в лифте, размером с холодильник. Мужчина чувствует неловкость и не отчаивается завязать разговор:

– Как ваши коты?

Та окидывает его чванливым взглядом, стоя впрытык своим пузом к его.

– Вчера лишайник задушил Винсента, – ледяным тоном начинает женщина, почесывая нос. Глаза по-прежнему высокомерно опущены. – Прыгнул на морду, выпустил свои токсины. У Винсента вытекли глаза и облезла шкура. Как коты, спрашиваете? Да нормально, жрут только много.

Степан прочищает горло, наблюдая за мелькающей электронной цифрой. Их этаж.

– Э, ну чё, террорист? – радостно смеется мужчина, потрепав по волосам маленького мальчика, который выбежал в прихожую встречать отца. – Мармелад после ужина.

Он передает жене пакеты и составляет мокрую обувь сушиться.

– Степ, давай за стол, – кричит Ира с кухни, гремя посудой. – И позови Вадима.

Последнее она сказала с особым напором. Черт... Он снимает кожаную куртку и как-то ожесточенно смахивает с нее ледяные капельки дождя. Выбора нет: придется идти.

Мужчина медленными шагами доходит до заветной комнаты. Не получается себя перебороть... Из щелочки прикры-

той двери доносятся равномерные выдохи, что-то происходит.

«Бля, надеюсь, этот сопляк не мастурбирует?..»

Степана затошнило от картины, которую он уже успел представить. Мужчина резко одергивает дверь:

На узорчатом ковре отжимается длинный крепкий парень в майке-безрукавке. Все мышцы блестят от пота, а губы розовеют от волевых прикусываний. Тут парень замечает дырявые носки Степы и, запыхавшийся, садиться на ковер, готовый к дебатам.

– Мать зовет, – механическим голосом выдавливает из себя мужчина, с окоченелой и вовсе не прикрытой желчью смотря подростку в черные, совсем безучастные глаза.

Он разворачивается и уходит на кухню. Через пять минут все сидят за столом – вернее, в аквариуме с белыми акулами.

– Глеб, тебе подлить еще молока? – спрашивает Ира у маленького сына.

Тот отрицательно кивает. Снова молчание.

– Вадим? – мать зовет старшего сына.

Тот с набитым ртом смотрит на нее испытующе.

– Вкусно?

Парень неуверенно кивает, тупя взгляд в тарелку.

– Черт... – не выдерживает Степан, демонстративно уронив вилку. Жена тут же изрядно ударяет мужа ногой в икру. Он хватается салфетку и вытирает рот, продолжая неумолимо посмеиваться.

– Спасибо.

Парень встает из-за стола и целует мать в щеку.

– Ма, мы с пацанами на стройку завтра с утра, – объявляет Вадим, ковыряя зубочисткой остатки макарон в зубах.

– На изолированную хоть? – спрашивает Ира.

– Конечно.

– Ну и как? Продвигается?

Парень ухмыляется, приподнимая низ майки. Женщина одобрительно проводит ладонью по стальному прессу, уважительно поджав губы. Затем он напрягает сильную руку, хвалясь матери.

– Молодец. С сентября затрахай всю школу, понял? Покажи, чей ты сын, – наказывает ему та. – А то последний год как ни как.

– Первым делом, мам, трахну директрису.

Он мягко улыбается, кидая зубочистку в мусорное ведро, и уходит.

– Противогаз на завтра приготовь! – кричит она ему вслед.

– Да-да! Конечно! – доносится в ответ из ванной.

– Вот... придурочек мой.

Мужчина, наблюдая за всей этой сценой, сохраняет хладнокровие, но так укоризненно уничтожает взглядом жену, что нежная улыбка с ее лица мигом спадает.

– Степ, харэ, – кидает она ему, составляя тарелки в раковину. – Ты доел?

Он молчит.

– Зато я доел! – говорит Глеб и тянется к упаковке мармеладных мишек.

– Тут еще целая тарелка. Не, малой, так не пойдет.

Но тот уже убежал, шаловливо хихикая и шурша упаковкой.

– Э, малой! – грубовато орет ему в след Ира и недовольно цокает языком. Она смотрит на мужа, ища поддержки, но получает только очередную порцию невербального яда.

Мужчина встает и хватается ее за волосы, но рука быстро соскальзывает – слишком короткие.

– Какого хера, Степ? – уворачивается женщина и резко меняет позиции. Она берется за его яйца железной хваткой и умелым движением приказывает всему его телу опуститься чуть ниже, чтобы их лица были на одинаковом уровне.

Они смотрят друг другу в глаза, и лед мужа постепенно тает под щипающим душу напором Иры. Он заглядывает в ее глаза, как овечка в тупые, но величественные глаза матери.

– Кончай это, – говорит жена, сжимая мужские яйца сильнее.

Вдруг с потолка падает нечто огромное и темное, с грохотом разбиваясь о тарелки. Муж с женой инстинктивно достают из буфетного шкафа огнеметы, заряжают и выстреливают огненные шары.

– Занавески! – хриплым басом орет Ира, срывая пылающую тюль вместе с карнизом.

– На хер! – отвечает Степан, поливая огнем ползущую к

нему через стол тварь. – Этот живучий какой-то, сука...

– Сверху!

С потолка готовится прыгнуть второй тип. Вовремя на кухню вбегает Вадим и ловко кидает матери швабру. Женщина сбивает черно-зеленую мразь, и этот вонючий шипящий урод падает на ковер.

– Твою мать... – Ира давит его ступней, пока из паразита вытекают дурно-пахнущие соки. – Только, блять, потолок побелили!

– Отойди-ка.

Степа окатывает его пламенем, пока тварь не сворачивается в кусок поджаренных волокон.

– Фух... – Мужчина прячет огнеметы и вытирает пот со лба. – Ужин готов. Вам гриб? Или водоросль?

Он пробует засмеяться, но вид разъяренной пантеры с перекошенным от злости лицом заставляет его заткнуться.

– Я же сказала, закрой все окна! – гулко заорала жена. – А ты все сидел, как идиот, и контролировал каждое движение Вадима!

Женщина вскинула оцарапанной кистью в сторону своего сына, сгребаящего макароны и трупы лишайников в мусорный пакет.

– Я... – мужчина опешил. – Я же закрывал, вроде...

– Твою налево... – вспыхивает Ира, разворачиваясь и хватаясь за челку. – А если бы они выпустили токсины, пока все дети сидели за столом?!

– Но не выпустили же, – скромно отвечает Степа, перебирая в руках почерневшее полотенце.

– Гений, блять! Отпразднуем?!

В порыве гнева она задевает почерневшим плечом угол.

– Черт...

– Давай вытру копоть. – Он подбегает с грязным полотенцем.

– Уйди.

Ира берет сына под руку, и они оставляют мужчину одного.

Картина №2

Пар

Я нерешительно подхожу к его комнате. Пальцы все еще в копоты, я тянусь к ручке, боясь спугнуть тех, кто сидит там.

Дверь чуть приоткрывается, и до меня доходят спокойные голоса. Ненапряженная, усталая беседа матери с этим отморозком, которого она называет сыном. Пацан уже совсем большой, семнадцать лет... В этом возрасте его отец...

Она обнимает его за плечи, и они рассматривают какие-то картинки... ЧТО?! Какого черта? Я чувствую, снова встает ком в горле. Она целует его в макушку, гладит по волосам. Я ненавижу его. Боюсь, мою ненависть улавливают оба.

Ира резко разворачивается, уставившись на меня по-звериному. Она подрывается и стремительно настигает меня, переваливаясь плечами. В домашнем белом платье... Меня мутит от моих дрянных и предательских мыслей насчет моей пантеры.

– Что за дерьмо? – шепчет, немного толкая меня в грудь, и прикрывает дверь в комнату Вадима. И меня снова накрывает безвольное бешенство:

– Вы опять смотрели его фотографии?

– Это его отец, которого ты никогда не заменишь, – бес-

страстно заговаривает жена. – Я не имею права просто взять и вырезать его ДНК, Степ.

– Но свои чувства и воспоминания?

– Мои чувства и воспоминания не твое дело! – как-то непривычно кричит Ира, не опасаясь, что Вадим услышит. Наверняка сидит у двери и глумится надо мной. – Он мой первый и единственный мужчина, ты прекрасно знаешь, что он для меня значит даже сейчас.

Мне больно и гадко. Я смотрю в ее глаза, которые теперь немного блестят.

– Ты буквально признаешь, что до сих пор он – твой муж, а не я.

Ира нервно смеется, показывая кривые зубы, и стыдливо вытирает уголки глаз. Так быстро и резко, надеясь, что я не разгадал ее чувств, но это не так.

– Это из-за квартиры? – спрашиваю я, дрогнув от собственного голоса.

Она молчит.

– Ты даже не представляешь, насколько ты меня изматываешь, – продолжаю, – насколько я полюбил тебя. У нас есть один общий ребенок, и ты все еще не поверила в меня?

Молчит. Я касаюсь ее оголенных плеч, ее потертой татуировки, которой раньше сладострастно любовался. Теперь же мне хочется убить ее. Хватаю и поворачиваю лицом на себя.

– Ты любишь меня? Ты любишь нашего сына?

Она сурово сжимает губы в тонкую полоску, подбородок

скомкан в неровностях и слегка вздрагивает. Она запрещает себе слезы при мне, я знаю.

– Ир?..

– Боже... – Она срывается, толкая меня. – Хватит трахать мне мозг!

И уходит.

Он разгоняется, разможая колесами лишайников по дороге. Но тупая головная боль не проходит. А это гребучее небо только сильнее действует на нервы! Кружится и кружится... топит в себе. Ночной небосклон сейчас черный с ультрамариновыми вращающимися волнами. Рай для тварей.

Вдруг по встрече летит безбашенный фольксваген, сигнала Степану.

– Блять, уроды! – Тот инстинктивно разворачивает руль и резко тормозит. Тонированное стекло фольксвагена медленно опускается, и на всю улицу разлетаются оглушительные биты и хмельной смех.

– Ха, Степка, волосатая домохозяйка?! – кряхтит бородастый мужик в грязной, засаленной бандане и смеется.

– Серый, ты? – Мужчина присматривается и узнает в сумеречной тьме заросшее лицо старого знакомого. – Ё-моё, братан!

Он протягивает ему руку через окно.

– Хеллоу, – машет второй друг с пассажирского сидения. –

Ты куда это на ночь глядя?

– Да... – Степа чешет затылок.

– А давай с нами на футболчик, а? – предлагает бородач, и весь салон одобрительно лает.

– Э... не могу, – Мужчина разводит руками и сочувственно цокает уголком рта, – дела.

Бородач отпивает пива из бутылки, смотря сощуренными глазами на старого друга. С асфальта слышится надрывное дыхание... Оба кинули взгляд вниз...

– Потеряли мужика, – завершает бородач чуть оскорбленно и с какой-то жестокостью швыряет пустую бутылку вниз, разбивая ее о лишайник.

Комната Ненависти

Я подхожу к стойке, сильнее натягиваю капюшон. Вокруг все металлическое, люди толпятся и прячут лица друг от друга, прямо как я. Атмосфера уныния...

Никогда бы не подумал, что решусь на такое. Хотя и пережил на своей шкуре все мучительные эксперименты жёны, обнажался в самом нагом смысле, на который способно такое животное, как человек.

Но почему-то этого предстоящего обнажения я боюсь как никогда.

– Фамилия.

Бесцветный голос работника выводит меня из транса, и ноги трясутся сильнее.

– А?

– Бронь на какую фамилию?

Мешкаю, забыв все и вся на пару мгновений, и шепотом сообщаю:

– Варлыгин.

Работник что-то выбивает на клавиатуре. Ждет и бросает мне:

– Минуточку. – Он отходит за угол, и я слышу выдвигание тумбочек.

В помещении становится душно, я вдыхаю воздух через

рот, но никак не надышусь. В горле неприятно стягивает, губы пересохли – облизываюсь.

«Надеюсь, меня никто не узнает... Городок маленький, черт, такой маленький...», – звенят мысли в голове, чувствую, как паника уже сочится из ушей, ноздрей и задницы. Тут меня кто-то задевает в спину, и я буквально готов швырнуть им кошелек, поднять руки вверх и закричать: «Я не виновен!»

– Вы?!

Мои глаза распахиваются в ужасном удивлении. Думаю, щеки белеют... Передо мной стоит соседка, хмуря брови, и вражески пучит полные губы.

– Теть Слав, вы?..

Она отворачивается, но, как мне кажется, совершенно не смущенная нашей внезапной встречей. Чего не скажешь про меня...

– Фамилия? – спрашивает ее другой работник.

– Слава Заруцкая, – громко отвечает женщина, уверенно смахнув волосы с лица.

Я плююсь на нее как баран, сраженный ее бесстыдством. Я злюсь на нее! Злюсь, что я не такой...

Тут передо мной на стойку громко крадут ключ с подписью, и я вздрагиваю.

– Отдадите контролеру.

– Спасибо... – мямлю, крутя в пальцах ключ. – А куда?..

– Вперед и налево.

Медленно иду по направлению. Коридор в красных огнях и приглушенных голосах за стенами. Длиннящий ковер тоже красный, в зеленые полосы. Чтобы успокоиться, я рассматриваю его.

– Ключ, – низко требует мужчина в костюме и с изогнутым микрофоном у уха.

Я отдаю. Он внимательно смотрит.

– Вам сюда.

Контролер открывает дверь, и передо мной в упор встает стеной красная штора. Ее края смыкаются рюшами, напоминая женскую вульву.

Захожу, поворачиваю голову назад и замечаю краем глаза соседку Славу, которая отдает свой ключ другому контролеру.

«Ха, где бы мы еще встретились, кроме как не здесь? Хоть и живем, разделенные несчастным куском бетона...»

Я раздвигаю красную вульву и захожу в комнату.

Перед Славой открывается назначенная дверь, и женщина смело заходит внутрь. Инструкция по обмундированию – она знает ее наизусть. Трясущимися руками надевает очки виртуальной реальности, минуя провода, и нервно сглатывает. Слюна размеренно, будто дразняще, скатывается по сухому горлу-наждачке. Нет больше сил терпеть. Особенно когда этот придурок через стену от нее.

Аппарат включается, и комната расплывается густым молоком. Посередине из пикселей рождается он – Степан. Ржа искажена остервенением, глаза горят по-бесовски... На минуту ее сковывает страх.

«Какого хрена? Ты делала это сто раз! Позволишь в сто первый?..» – Тут помогает осознание своей всеобъемлющей и непоколебимой власти.

Она ударяет его рукой по щеке и быстро отступает на шаг. Сегодня он более реалистичный, чем обычно.

«А все из-за того, что этот урод приперся в мое время».

Женщина смелеет и со всей силы врезает ему кулаком в челюсть. Голограмма перекашивается, электронная кровь вытекает слабой струйкой. Он начинает смеяться и осыпаться такими знакомыми ругательствами:

...Толстушка...Корова...Неряха...Ты хоть на что-то способна?..Пальчики как сосиски...

Каждый божий день эти слова с ней. Каждую ночь, когда она слышит на балконе монолог соседа в метре от себя. Каждую ночь выслушивая его признание в вечной ненависти к сыну.

Слава бьет его по голове, подламывает ноги. Фальшивка падает в молочный вакуум, лишенный пространства и времени. Он поднимает окровавленную морду и скалится как пес.

«Господи...», – Слава столбенеет.

Его борода, его эльфийские оттопыренные уши, прыща-

вый лоб... Он вылитый он.

– Умри ты наконец! Прекрати следить за мной!!

От еще большего страха женщина принимается глухими ударами топтать живот голограммы, которая уже сжалась пополам. Он полностью в ее власти.

С непривычки я запутался в этих проводах. Инструкция какая-то дурацкая, ни хера не понятно! Наконец очки надежды, я без понятия, чего ждать.

Пространство расщепляется, кружится волнами (как и все мое сознание) и собирается в единой образ – Вадим.

Я много слышал об этой процедуре, но не думал, что голограмма настолько реалистична. Вот только сопляк уж особенно перекаченный и непривычно для него злой. Почему-то на ум сразу приходит, что он насмехается над моим положением. Он знает, что его авторитет намного сильнее моего, и нарочито утрированно подчеркивает мое ничтожество.

– Щенок! – Ярость взрывается, и я слегка толкаю его в грудь.

Он улыбается, невинно шевеля пухлыми губками.

«Он что-то говорит... Он играет какой-то спектакль».

Четко вырисовывается фраза, словно высеченная на лбу: «Мама, посмотри». Нет, он издевается надо мной. Я ощущаю, как спина, шея краснеют и жутко чешутся, все нутро

бурлит травой. Мне жизненно необходимо врезать ему.

– Перестань лыбиться, сосунок!

Я пытаюсь быть толерантным с голограммой.

...ты – нелюбовь...

В мозгу щелкнуло. Набрасываюсь на него как зверь, колючу везде. Бью по лицу – хнычет, по паху – молится. Лицо – перекрученное мясо, тело бьется в агонии.

«Я побеждаю его. Я побеждаю его. Я побеждаю его», – мне хочется в это верить.

Мои руки поднимают сопляка за ворот, а глаза любят умираньем. И я швыряю голограмму в белую пустоту.

Когда я шел сюда, предполагал, что чуть-чуть разукрашу его, выпущу пар и успокоюсь. Это будет единожды, как приятный эротический сон, который больше никогда не повторится и о котором никому нельзя рассказывать.

Но бешенство застигает мой разум, я не соображаю, что творю. Чувствую, как липко сдавливает подмышки от пота, а костяшки жжжет.

«Все?.. Снимать очки?»

Светает. Прямо сейчас, когда мужчина едет обратно домой, по радио экстренно объявляют чрезвычайное положение:

«С юго-запада движется мутировавшая ассоциация лишайников. Так как наш город на границе, население уже ис-

пытывает на себе всю мощь обновленных чудовищ...»

– Суки... хе... во суки! – ругается Степан и неуравновешенно посмеивается, резко входя в повороты и оставляя дизельные следы от шин.

Хочется отсмеяться от страшных мыслей. Особенно когда они сопровождаются чертовски сильным голосом интуиции. Наверное, каждый родитель хоть раз в жизни испытывал такую пробирающую уверенность, что катастрофа неминуема. Степан отмахивается от этой уверенности, делая музыку громче.

Звонит телефон.

– Алло?

Пикап тормозит.

Говорится очень много плохих слов... Степан из последних сил подавляет рвотный рефлекс, его то обжигает кипятком, то распаривает морозом по коже.

– Ка... какой... – Мужчина зажмуривается, отказываясь верить в происходящее, – номер больницы?..

Он кладет трубку и, унимая тремор в конечностях, печатает сообщение жене, путая все буквы на клавиатуре. Пальцы распухают, становятся такими неловкими и беспомощными.

Мужчина жмет педаль в пол.

Картина №3

Первоисточник

– Как он? – подбегает Ира, скидывая рюкзак с плеча на сидение.

– Я... я видел...

Степан заходится в каком-то удушающем шепоте. Жена берет его за подбородок, внимательно рассматривая лицо – взгляд расфокусирован.

– Успокойся, – сурово произносит та.

– Воспиталка позвонила, – тараторит мужчина, – и сказала, что эта тварь пробралась в сон-час.

– Как они это допустили? Это невозможно.

– Ты слышала новости? О мутации.

– Но... я не думала, что охрана детсада такая дерьмовая.

– Да, блять, я тоже! – восклицает муж, дергая головой, как индюк, и отходит в сторону. Из угла в угол... из угла в угол...

– Короче, – говорит наконец, – у него кожу прожгло до костей, медик сказал, от новых токсинов пока ничего нет... Я не знаю, что делать!..

Мужчина впадает в панику. Ира поворачивает голову к смотровому стеклу и видит, как к носу сына приставляют маску и пускают газ. Мальчик быстро моргает ресницами, не

отдавая отчет, что с ним происходит. Все измученные части тела накрыты.

Болезненную больничную тишину разрывает звонок мобильного. Ира снимает трубку и зловеще вслушивается.

«Что?»

Ее брови сдвигаются, горб на носу будто бы растет, губы искривляются в мрачной сосредоточенности. Она медленно превращается в ведьму, и Степана охватывает страх. Этот страх где-то в груди заряжается тоненьким электрическим хвостиком и щекотливо бежит вниз по животу.

– Вадим... – хрипло начинает жена и, прокашлявшись, продолжает: — ...упал с лесов. Сильно покалечен. Подозрение на позвоночник... Черт!!

Она слегка верещит, роясь в рюкзаке.

– Мне срочно нужно... срочно на пятую улицу...

Из женских рук все валится, мужчина хватает ее за запястья.

– Ира...

– Это ты виноват! – внезапно рывкает женщина, кусаясь острым взглядом.

– Да что ты несешь?.. – Электрический хвостик кусает бедра...

«Она перенервничала. Она не в себе. Она мать».

– Я же говорила, оставь детей дома, никуда не пускай! Видишь, какая ситуация в стране?! Какого хуя ты шляется по городу?!!

Степан молчит, опешив.

– Ничтожный отец!..

Муж поворачивается в сторону сына, который уже почти потерял сознание. Малыш расслаблен и одинок, один среди пугающих усатых докторов. Они точно сделают больно, он уверен в этом. Но он готов. Глеб еле заметно шевелит крошечными губами, пытаясь донести что-то. Степан присматривается и больше по его глазам, нежели по слабому шевелению губ, осознает: сын отчаянно зовет маму.

Жена срывается и бежит вдоль коридора, поспешно звоня кому-то по телефону. Мужчина давится напряжением, его топят два противоречивых чувства. Они выжигают его – отца – дотла.

«Ненавижу».

Он боязливо опускает голову вниз – э р е к ц и я.

Водка

Тело воспринимается тяжелым мешком с костями, которым трудно передвигать. Ходячий полуфабрикат, недавно размороженный. Морозильный иней еще сверкает на коже, но постепенно туша возвращается в первоначальное состояние убитого животного. Вот только прежним этот полуфабрикат никогда не будет – он *уже полуфабрикат*.

Еле хватает сил закрыть входную дверь на ключ и дойти до кухни. Слабо светит лампа, окна плотно закрыты. Ее рука крепко сжимает край столешницы, голова опущена. Она стоит будто подстреленная и подвешенная.

«Она снова пьет».

Лениво обегаю ее взглядом, глазницы чешутся, и я больше не сдерживаюсь.

– Ира?.. – зову свою пантеру, нуждаясь в помощи. Но она не смеет мне помогать, ласкать, утешать. Губы предательски дрожат: теперь мне по-человечески хочется стать слабым.

– Что с Глебом? – хрипит жена, пряча лицо под черными паучьими лапками. Я вижу только ее подбородок.

Подхожу ближе.

– Ир... – мой голос срывается на дрожащее блеяние, – они не спасли его.

Я произнес это вслух, теперь уже не отвертеться. Тулая

тишина душит нас обоих, снова интуиция предвещает что-то страшное.

Она шумно выдыхает, тянется к бутылке и наливает половину стакана. Похоже на воду, но это не вода. Это моя жена, и я ее прекрасно знаю.

– Если бы не твоя беспечность и сучья натура, наш ребенок был бы жив, – заводит монотонную, травящую мозг речь. – Если бы не ты, придурок, у моего сына не было бы перелома позвоночника.

Женщина выпрямляется, и я вижу родное лицо, ожидая долгожданных эмоций, но ничего нет. Красная помада окрасила кривые зубы, немного размазалась от водки. Она продолжает говорить такие чудовищные слова, при этом не повышая голос ни на тон:

– Если бы не твоя вытраханная до дыр память, ты бы оставил их дома и сохранил бы нашим детям жизнь.

Я сжимаюсь от ее черствого голоса, но какая-то импульсивная дьявольщина выскакивает наружу:

– Вот только твой ребенок жив, а мой... – запинаясь, теряя всю уверенность. Выдыхаю, захлебываясь в накатывающей панике, но пути назад уже нет, —...мой ребенок...

Я не в силах продолжать. Мозг ломается изо всех сил, только бы защитить меня.

– Ты снова делишь их на «мой» и «твой»?! – орет жена, швырнув в меня колющий взгляд, пробирающийся сквозь паучьи лапки. Страх пробегается ежиком по спине. – Даже

сейчас, когда вопрос касается жизни и смерти?! Урод.

Ира обзывает меня так... по-настоящему. С таким неприкрытым отвращением, что мне хочется расплакаться, но вместо этого сознание окутывает всеобъемлющий страх и почему-то волна страсти. Плохой страсти – ведь я знаю, что сейчас будет.

– Встал на колени, – она диктует, выпивая еще один стакан водки залпом. – Быстро.

Не смею произносить ни слова против.

– Мне стыдно признавать, что ты мой муж.

Ира заводит красивую, но неприятную речь таким гипнотическим голосом, что мои колени дрожат. Я знаю этот голос. Она наливает полный стакан водки. Зажмуриваюсь.

– Ты разочаровал меня.

Жена присаживается на корточки и резко плещет мне в лицо спирт. Я испуганно выдыхаю, дернувшись, и чувствую ее ладони.

– Умойся, – злобно шепчет, растирая по моему лицу водку. – Смой с себя причастность. Хотя бы символично смой.

Она дает пощечину, и моя голова покорно отмахивается в сторону. Потом в другую. Я задыхаюсь, мне жарко... Щеки раскалены.

– Встань, посмешище, – пренебрежительно говорит Ира, дергая меня за рукав вверх.

Поднимаюсь с колен, ноги трясутся. Дыхание сбито, а глаза открывать боюсь.

– Пожалуйста...

– Что ты мямлишь?! – гаркает жена, и слышится звон удара по стеклу.

– Ира, пожалуйста.

Я снимаю мокрую футболку и дышу через рот. Снова на грудь выплескивается водка, и капли текут вниз, забегая под ремень. Нос щекочет терпкий запах спирта, знакомый... Почему-то вспоминается... Мне было шесть, температура под сорок, бабушка остервенело растирает всего меня водкой. А я горю, как подоженный... как сейчас.

Ира стремительно подходит ближе, кладет обе руки мне на плечи и со всей силы, скопив всю свою обиду, ненависть и удовольствие, врезает мне острым коленом в пах.

Я корчусь. Электрический хвостик мгновенно пробегает от мозга до таза, и я тону в облегчении.

Сменив трусы, Степан укрывается на балконе. Садится в мохнатый стул, уже ослабевшими пальцами выуживает из пачки сигарету и тянет в рот.

– Я ж, вроде, бросил курить... – вслух замечает он и чиркает зажигалкой. Затягивается и погружается в успокоение. – Надеюсь, ты там и не судишь меня.

Мужчина смотрит в небо, искренне веря, что его сын сейчас наверху. Он ангел. Он его маленький ангелок, который ни в чем не виноват. Степан вспоминает его щечки, невин-

ный смех и плутовские глаза, когда он что-то затевает. Глеб был замечательным нежным ребенком, заслуживающим более хорошего отца, чем имел.

– Я не хотел, солнышко...

От дыма глаза слезятся и краснеют. Это только от дыма.

– Клянусь, я не хотел так... – Мужчина плотно сжимает зубы и растирает один глаз кулаком.

«Вадим».

Степан застывает на секундочку, и его тут же застигает жгучий стыдливый румянец. Все горло, грудина горят, будто он наглотался острого перца.

Одновременно по телу растекается такое сосущее, обволакивающее чувство. Гадкое и вялое, оно что-то шепчет. Мужчину словно втягивает внутрь себя пузырь с мутной водой – он не слышит ничего, кроме своих мыслей, выцеживающих последние жизненные силы. В этой холодной мутной воде он как бы сжимается в бронированную цисту и замирает, переживая неблагоприятные условия внешней среды.

Но этот процесс духовного разорения настолько сладкий, вялотекущий и манящий, что Степан где-то на островке сознания чувствует блаженную негу.

«Умойся».

– Хм!.. – хмыкает мужчина, рвано потроша сигарету между пальцев. Он чешет волосы, раздраженно одергивает рубку. Шепчет в никуда, готовый кричать от ненависти к своей слезливости. – Я так больше не могу...

И не смог.

Я и Смерть

Я не знаю, кого ненавижу сейчас, поэтому боюсь увидеть голограмму. Впервые она застигнет кого-то врасплох, неужели я самый слабый?

...Ты меня разочаровал...

Слова произносятся вроде и в моих мыслях, но в то же время как-то пугающе реально. Не пойму, почему мой мозг и сердце так реагируют на них? Я слышал подобное тысячу раз, только от кого же они нанесли больший урон? От Иры?..

Точно. Я ненавижу ее за то, что она из меня сделала. Она виновата в том, каким я стал! Сейчас обязана появиться именно она!

Я вглядываюсь в молочные дали: пиксели неторопливо склеиваются, в глазах рябит. Уже слышу гулкий стук сердца в ушах, резко пронзает звон. Жмурюсь, не решаясь открыть глаза и столкнуться с этим.

Странно... Это не Ира. Я не знаю этого человека. Светлая длинноволосая женщина в белом сарафане стоит и смотрит на меня зеркальными глазами. Они как будто бы замшелые, томные. Непривычно, но ни голоса, ни звуков, ни шепота – я не слышу от нее ничего. Только презрение, строгое и безжалостное.

Внутри меня что-то медленно умирает. Четко осознаю: запустился механизм саморазрушения. Я не выдерживаю, теряю голову, а руки сами простираются к загадочной фигуре в волнообразном пространстве. Приоткрываю рот, тащаюсь как умалишенный и бегу к ней, спотыкаясь о собственные ноги.

Но женщина растворяется.

– Не уходи!! – кричу пустоте, надрывая связки. Это ужас... Она ушла... Весь мир заворачивается, скомкивается как бумажка. Хватаюсь за голову, губы дрожат.

И вдруг лучик надежду, неясное тепло и детский интуитивный трепет. Разворачиваюсь – появляется она. Вновь стоит в другом углу, смотрит осуждающе, а в зрачках синие волны. Откуда-то дует легкий ветер. Идиотская иллюзия.

«Может, это спецэффекты? И на самом деле, это не я придумываю, а комната заранее устроена более драматично?..»

Ее волосы раскачиваются, делая образ нежным и безопасным. И я окончательно осознаю, что эта женщина – моя самая невинная нужда, самый первый лик и последняя надежда.

– Подожди...

Догоняю ее и слегка касаюсь убегающей спины.

«Катастрофа!»

В ужасе отшатываюсь. Женщина падает в мусть, спина

темнеет, и на белую ткань проступает кровь.

«Я же не тронул ее... Ничего не понимаю...»

Кровь мажется, вытекает и расплывается по сарафану. Женские волосы взлохмачены. Она приподнимается с четверенек, поворачиваясь ко мне головой и надрывно дыша. Платье разодрано...

...Ты – нелюбовь...

Она подходит на шаг, и я весь падаю в ее божественные глаза. Такие родные, безоп... Нет.

– Почему ты ненавидишь меня? – спрашиваю и жалею, что бесконтрольно наворачиваются слезы.

Я и так шепчу, боясь ее испугнуть, но птица неувима. Она отдаляется, все еще переполненная немой ненавистью.

...Ты – нелюбовь...

Меня охватывает паника. Я больше не принадлежу себе. В голове только одна мысль:

«Если она исчезнет, то я умру».

А она стремительно исчезает, образ блекнет. Вокруг молочное море разбавляется черной субстанцией. Единственное белое пятно спасения – она. Бегу из последних сил, тянусь ладонью, но женщина исчезает.

Все накрывает черная пелена – я встретился со смертью, и я совершенно один.

Слава выкуривает сигарету, выпуская дымные блинчики,

и успокаивается. Как вдруг в комнату перекура входит ее сосед. Она уже было хотела встать и уйти, но его вид парализует женщину.

– Трудный сеанс? – неожиданно для себя заводит разговор соседка, когда тот падает бесчувственной грудой на стул рядом. – Будешь?

Он отрешенно на нее смотрит и берет сигарету. Хмуро закуривает.

– У меня вот тоже выдалось шибко эмоционально, – продолжает Слава, теряя все прежнее смущение. – Меня отец всю жизнь ненавидел. Родной отец.

Оба затягиваются. Женщина подвигает бутылку и наливает себе алкоголя.

– Хочешь водки?

Степан опасливо бросает взгляд на *лжеводу*.

– Как хочешь. – Пьет. – Так вот... Он уже помер давно, а я тогда решила забыть его как можно скорее. А потом переехали вы со своей стриптизершей.

– Танцовщицей, – безлико поправляет мужчина. – Она не любит, когда ее называют так.

– Как ни назови – суть та же.

– Кому как.

– Ты всегда защищал ее, – с каким-то прискорбием заявляет Слава.

– Естественно, – отвечает мужчина, безынтересно наблюдая за изменениями в небе. – Она ведь моя жена.

– Это накладывает серьезную ответственность.

– Да. Я бросил всех ради нее, отдал все свое время.

– Но раньше ты был ужасным человеком, верно? – с неприличной уверенностью заявляет женщина и хитро лыбится.

– Бабушка втайне подсыпала мне успокоительное в кофе. Я целыми днями лежал перед телевизором, ел конфеты, а ночью мы с друзьями выворачивали город наизнанку. Откуда ты это знаешь?

– А я не знала. Мой отец был похож на тебя, просто предчувствие. – Она незаинтересованно пожала плечами.

– У него тоже были эльфийские уши и свиная харя? – он пытается зло шутить.

– Ни капельки. Не внешне. Знаешь, я никак не могла его простить. Но мертвых не судят.

– Это верно... – отзывается он, протягиваясь за еще одной сигаретой.

– Вот только видеть, как он живет в других людях, было невыносимо. Я мечтала покончить с ним во всех остальных, как бы глупо это ни звучало.

Почему-то она криво улыбается, потеряв свою пухлую щеку.

– И как? Покончила? – спрашивает Степан.

Соседка молчит, хмуря брови. Тушит сигарету в пепельнице и встает.

– Пошли.

– Куда? – возмущается мужчина, уставившись на нее большими глазами.

– На улицу. Дождь собирается.

Суперрезультат

– Сука, а если лишайники?..

Степан перепугано озирается по сторонам, спрятав ладони под мышки. Дождь постепенно усиливается.

– Видишь, – Слава указывает пальцем в небо, обращая внимание на ультрафиолетовые тучи. – Они выделяют какую-то херь, которая заставляет этих тварей прятаться в тени.

Оба стоят посреди асфальта. Дорог не видно – все занесло легким туманом от сильного дождя. Мужчина недовольно переступает с ноги на ногу, скорчив кислую мину.

– Какого хрена мы здесь делаем? Мне холодно, я хочу домой! – кричит, но Слава ничего не слышит.

Степа сердится, промокая насквозь, но тут он замечает, что его соседка вытворят нечто дебильное.

– Чё ты делаешь, дура?!

– Танцую, не видно что ли?

Он цокает языком, убирая мокрые волосы с глаз.

– Слушай, пошли, а? Хватит играть этот кордебалет!

Но женщина не обращает никакого внимания. Она легко двигается, несмотря на тяжелое тело, и обтирает лицо дождевой водой. Барабанит настоящий ливень.

– Ты еще в лужу прыгни, – уже спокойнее говорит муж-

чина, опуская руки.

– А вот ща как прыгну! – И она с дуру ударяется задницей в грязную лужу, забрызгивая ноги соседа. Слава хохочет.

Его морщины окончательно разглаживаются, и лицо принимает умиротворенное выражение. Волны в небе уже не такие страшные и необъяснимые, он успокаивается, напряжение смывается ливнем. И мужчина отпускает себя.

Он запрокидывает голову назад, подставляя себя неизведанному. Скорее всего, этот дождь токсичен, и им не следует так рисковать здоровьем. Но разве это важно?.. Разве важно, что тебе угрожает в минуты воодушевления?

И Степана заглатывает блаженство, распирающее чувство праздника. Разум отключился, его уже давно здесь нет. Есть только два человека, которые на пару мгновений отказались от всего и вернулись к своим первоисточникам.

Дождь как ни как очищает, будто жалея и глядя маленького человека. Ливень успокаивается, но вдруг неожиданно небосклон пробирает гром. Тучи слегка пульсируют, наливаясь цветом. В момент, когда торжество за один щелчок превращается в уныние, человек рассыпается.

...Я обесточен...

– Ты простил?! – вдохновенно спрашивает Слава, улыбаясь небу, но обращаясь к Степану.

– Да... – шепчет.

– Ты счастлив? Теперь ты счастлив?! Не слышу!

– Да... – с усилием осознает.

– Почему?!– не унимается радостная дура и орет с каким-то колющим напором.

– Потому что...

Фраза обрывается. Дождь почти стих. Мужчина падает на корточки, хватаясь за голову, и в полнейшем ужасе договаривает, как будто только что это узнал:

–...мой сын умер.

Асфальт мокрый, но по-летнему теплый. Кажется, или из-за лиловых луч пробираются кусочки солнышка...

Слава садится рядом и обнимает мужчину за шею.